

В конечном счете Кун Лин не устояла перед настойчивостью господина Цинь и осталась. А в один из погодных дней, когда не было никаких дел, она выслушала старую историю, рассказанную Хань Чжу.

Время: двадцать пять лет назад.

Место: столица, поместье Цинь.

Действующие лица: странствующий даос, госпожа Цинь, господин Цинь, Цинь Фан (молодой господин Цинь).

В тот день господин Цинь не выходил из дома, так как госпожа Цинь снова готовилась к родам. Почему снова? Потому что до этого она уже родила господину Циню троих детей — двух девочек и мальчика, но, к несчастью, эти маленькие жизни не задержались в мире людей и вернулись в Западный рай.

Помимо глубокой скорби, господин и госпожа Цинь ничего не могли поделать. Им было уже за тридцать, а в доме все еще не было наследника, который мог бы продолжить род. Супруги жили душа в душу, и господин Цинь, несмотря на давление общества, не завел себе ни одной наложницы. Это вызывало у госпожи Цинь одновременно и радость, и печаль: радость от того, что муж предан ей, и печаль от того, что она считала себя виноватой перед ним за отсутствие наследника.

В таком состоянии дух госпожи Цинь постоянно колебался, то поднимаясь, то падая. Это отразилось и на здоровье: она то и дело начинала покашливать или подхватывала простуду.словно Линь Дайюй, она превратилась в хрупкое создание, сотканное из воды. К счастью, господин Цинь понимал причину происходящего, поэтому не говорил лишнего, а лишь старался проявлять к жене двойную заботу.

Спустя несколько месяцев, когда господин Цинь занимался счетами в лавке, прибежал слуга из поместья:

— Господин... господин... беда! Госпожа... она упала в обморок дома!

Не успел слуга договорить, как господин Цинь исчез, оставив после себя лишь легкий порыв ветра, взметнувший полы его халата.

Добравшись до дома, господин Цинь, не обращая внимания на поклоны слуг и горничных, бросился к внутренним покоям. У дверей стояла верная служанка госпожи, Чунь Мэй. Увидев хозяина, она поспешно присела в реверансе:

— Господин, госпожа спит в спальне. Лекарь только что ушел, Ся Хэ пошла с ним за лекарством.

Господин Цинь лишь махнул рукой, что-то буркнул и помчался внутрь. Там он увидел госпожу Цинь, полулежащую на кровати. Ее личико слегка покраснелось, и, хотя бледность еще оставалась, в целом она выглядела бодрой. Увидев вошедшего супруга, она невольно радостно

улыбнулась.

Господин Цинь широкими шагами подошел к кровати, сел и коснулся лба жены, а затем своего — разницы не было. Он поправил одеяло и тихо спросил:

— Что случилось? Утром, когда я уходил, все было хорошо, как же ты могла упасть в обморок за столь короткое время?

Затем, сменив тон на суровый, он обратился к служанке:

— Чунь Мэй, как вы с Ся Хэ присматриваете за госпожой?

Чунь Мэй хотела было что-то ответить, но, увидев, что госпожа отрицательно качает головой, промолчала.

— Совсем разбаловали эту девчонку, даже чаю хозяину не подала, — проговорила Чунь Мэй и, найдя предлог, поспешила удалиться.

Госпожа Цинь взяла руку мужа и мягко положила на свой живот, сияя от счастья:

— Со мной все в порядке, просто в нашем доме скоро прибавится людей.

Эти слова прозвучали для господина Циня как гром среди ясного неба.

— Прибавится? Правда? — он был так взволнован, что не знал, куда деть руки. Та, что лежала на животе, вдруг дернулась, будто обожглась, но он тут же захотел коснуться снова, боясь лишь причинить вред.

Глядя на него, госпожа Цинь тихо рассмеялась, взяла его нерешительную руку и бережно приложила к животу:

— Ты ведь уже был отцом, чего боишься?

— Был, конечно, был... но так недолго. Жена, в этот раз мы должны быть предельно осторожны, — он тихо вздохнул. Хотя он уже мог спокойно говорить о прошлых потерях, глубокая боль в сердце все еще была свежа.

— Да, я буду каждый день молиться Бодхисаттве, чтобы он или она не покинули нас так рано, — говорила она, и слезы катились по ее гладким щекам.

— Не плачь, мы должны радоваться, правда? — грубые мозолистые мужские руки бережно утирали слезы, а голос звучал нежно и утешающе.

— Да, не буду плакать, — госпожа Цинь постаралась выдавить улыбку, и ее глаза, только что омытые слезами, казались необычайно ясными.

Прошло десять месяцев. В ту ночь госпожа Цинь, уже готовившаяся ко сну, внезапно почувствовала резкую боль, словно ее сильно пнули в живот, а затем ощутила, как по ногам потекло тепло. Опытная мать, она сразу поняла — ребенок рождается.

Началась суматоха, в доме собрались все необходимые люди: повитуха, служанки, а господин Цинь на всякий случай привел еще и старого лекаря.

Все знали, что ожидание — мучительный процесс, а господин Цинь сейчас был словно муравей на раскаленной сковородке: не мог ни сидеть, ни стоять, лишь беспокойно метался из стороны в сторону.

К счастью, это были не первые роды, и все прошло относительно быстро. Под утро ребенок появился на свет.

Повитуха завернула младенца в пеленку и вынесла к господину Циню:

— Поздравляю, господин! Мать и дитя здоровы. Госпожа подарила вам крепкого мальчика! — с этими словами она протянула ребенка отцу.

Господин Цинь осторожно взял младенца, разглядывая его и не в силах налюбоваться.

— Как моя жена?

— За госпожой ухаживают служанки. Как только внутри приберутся, вы сможете войти и провести ее.

— Благодарю! Лай Фу, дай ей награду! — в порыве радости он не поскупился.

Повитуха приняла серебро из рук слуги, взвесила его на ладони — целых пять лянов. Ее лицо расплылось в улыбке, подобной цветку, пусть и слегка увядшему.

— Благодарю за милость, господин!

В этот момент прибежал привратник и доложил, что у ворот стоит странствующий даос и настаивает на встрече с хозяином.

Господин Цинь, пребывавший в отличном настроении, даже не обернувшись, бросил:

— Дай ему пять лянов и прогони.

— Слушаюсь, — слуга взял деньги в конторе и ушел, но вскоре вернулся: — Господин, тот даос не берет серебро. Говорит, что пришел отвести беду от маленького господина.

— Беду от маленького господина? Что за вздор? Ребенок здесь, в полном порядке. Какая еще беда?